

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Алины Егоровой
в серии «Артефакт & Детектив»**

Ангел-хранитель

Сапфиры Айседоры Дункан

Рубины леди Гамильтон

Ведьмино яблоко раздора

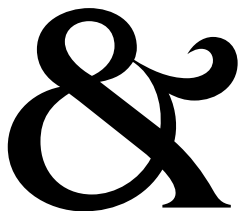
Драгоценности Жозефины

Дар богов

Колдовской оберег

Медальон сюрреалиста

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Алина ЕГОРОВА

**Медальон
сюрреалиста**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е30

Оформление серии *С. Курбатова*

Егорова, Алина.
Е30 Медальон сюрреалиста / Алина Егорова. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. —
(Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-92207-9

Молодой Сальвадор Дали был уверен в своем превосходстве над людьми, ведь в его жилах текла дворянская кровь. Настоятель монастыря, куда отец отправил Сальвадора для смирения гордыни, подарил юноше старинный медальон, который обладал силой стирать социальные границы. Юноша скептически отнесся к словам священника, но вскоре сам не заметил, как безоглядно влюбился в красавицу цыганку... Как-то Арина показала дворовым приятелям Лене, Рите и Пашке старинный медальон, хранившийся в их семье, и рассказала о его магической силе. Друзья лишь посмеялись над ней, но через много лет Лена, работавшая горничной в доме бизнесмена Меньшикова, с удивлением узнала в невесте хозяйского сына Арину! Угрожая рассказать всем о не самом благородном происхождении старой подружки, Лена выпросила у Арины медальон, надеясь с его помощью устроить свою жизнь. Однако вскоре Лену обнаружили мертвой, а медальон оказался подброшен в вещи Арины...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92207-9

© Егорова А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Начало апреля.
Тихий дворик на Лиговском*

о новым скоростным рельсам прямо-го как стрела Лиговского проспекта бесшумно скользили симпатичные трамваи. На отреставрированных фасадах старых зданий, выполненные в виде кованых фонарей, ожерельем висели видеокамеры. Программа «Безопасный город» опутала улицы паутиной проводов, но отнюдь не сделала город безопасным.

В одном из дворов Лиговки прямо перед носом РУВД Центрального района среди бела дня было совершено преступление. Двадцатилетний охранник кафе «Бродяга» Павел Категоров был убит на своем рабочем месте. Труп обнаружила работница кухни Зинаида Лаврова. Она пришла на работу, как и положено, за час до открытия кафе. Днем, до ее прихода, в заведении общепита находились только охранник Категоров, не говорящий волнистый попугай Кеша и безымянные подвальные крысы.

Несмотря на близость к центру города, скрытое в галерее дворов-колодцев кафе «Бродяга» не пользовалось особой популярностью. Оно располагалось на втором этаже двухэтажного здания — бывшей швейной фабрики. Первый этаж пустовал ввиду своего запущенного состояния. Соседние дома относи-

лись к жилому фонду и имели такой вид, словно застыли в прошлом веке: обшарпанные, с узкими окнами, кривыми деревянными дверями парадных и надписями на них «Лестница №». Вывеска кафе соответствовала двору: небрежно написанная мелким шрифтом на поржавевшем металлическом листе. Крылечко с продавленными ступенями было под стать общему неухоженному виду.

— Чтоб тебя! Собака лесная! — споткнулся о порог Зайцев. На ногах он устоял, но новая дерматиновая папка с бумагами выскользнула из рук и спланировала напрямик в лужицу.

— Хреново, — резюмировал он.

Это было второе «хреново», произнесенное Зайцевым за последние полчаса. Первое слетело с его губ после известия о происшествии в кафе.

Андрею Зайцеву, оперативнику из отдела по борьбе с оборотом наркотиков, везло, как утопленнику. Наркодилер, за которым его группа наблюдала в течение долгого времени, погиб в самый неподходящий момент — когда до завершения операции оставалось совсем немного. Зайцеву и его коллегам удалось установить, что продает страждущим наркотики некий Категоров Павел Валентинович, выпускник педагогического лицея, работающий охранником в кафе. Также сыщики засекли факт получения Категоровым партии наркотиков для сбыта. Наркодилера решили пока не трогать, чтобы выйти на след поставщика. И вот в один из вечеров на пульте дежурного поступила информация, что охранника рок-кафе «Бродяга» Павла Категорова обнаружили на рабочем месте с рассеченной головой. Узнав о слу-

чившемся, Зайцев рванул на место происшествия, где уже работала оперативная группа.

Войдя внутрь, Зайцев оказался в полумраке. Верхний свет в кафе отсутствовал. Все освещение — лампы над барной стойкой и бра по периметру зала. Несмотря на то что оперативная группа на место прибыла довольно давно, труп еще не увезли, он распластался около одного из столиков. Рядом валялись осколки орудия убийства — бутылки крымского портвейна. На столике стояли два бокала с остатками напитка, вскрытый пакет фисташек, тарелка с шелухой и скомканный глянцевый лист, выданный из какого-то яркого журнала.

— Что-нибудь выяснили? — с надеждой спросил Андрей знакомого оперативника Родиона Осокина.

— Удар пришелся сзади. Эксперт предполагает, что смерть наступила от подмешанного в портвейн яда, а бутылкой по маковке его огрели для пушного эффекта. Так сказать, приложили от души. Отпечатки на бутылке и бокалах есть, но обольщаться не стоит — они, скорее всего, принадлежат Категорову и сотрудникам кафе, имеющим доступ к бару.

— Что на бумажке? — кивнул на скомканный лист Зайцев.

— Ничего не написано, там картинка какая-то. Знатоки говорят, «Пластиковые часы» Сальвадора Дали.

— «Мягкие часы», — поправил Зайцев.

— Точно! Мягкие! — вспомнил Родион. — Что за мода — картинками разбрасываться?! Хоть бы караю какую оставили! Любители живописи хреновы!

— Может, это намек, типа: «Ты украл мои лучшие годы!» Убийство явно бабское.

— Точно! Ни дать ни взять — бабское! Портвейн тому подтверждение. Мужики этот лимонад пить не станут. Зуб даю — баба приходила!

— Скорее всего, — вступил в беседу участковый Уваров. Он вернулся с поквартирного обхода жителей двора. — Незадолго до убийства пенсионерка из дома напротив видела, как в «Бродягу» зашла девица. Описала ее одежду, прическу и комплекцию, но вот лица не разглядела, потому что видела ее со спины. На Лиговском камеры наблюдения висят, если девица попала в объективы, можно будет попытаться получить ее фото, а также установить время ее передвижения к кафе и обратно.

— Вряд ли убийца станет светиться перед камерами, — усомнился Зайцев.

— Всякое бывает, — пожал плечами Уваров. — Это мы знаем про видеонаблюдение, а преступник, может, и не знает. Зимой у меня на участке деятели телефоны у прохожих дергали прямо под камерами.

Еще немного потоптавшись в «Бродяге», Андрей собрался уходить, но не успел — его окликнул следователь.

— Заяц! Какого лешего ты тут ошиваешься?! — Черников смотрел недобро. Следователи не любят, когда на месте преступления появляются посторонние.

— Василич! Это же мой клиент, — Андрей скроил добродушное лицо.

— Твой, говоришь? — хитро посмотрел на лейтенанта Кирилл Васильевич. — Тогда завтра жду тебя с подробностями.

«Хреново», — повторил про себя Зайцев. Черников слыл мужиком неплохим, но въедливым и требовательным, никакой халтуры не допускал. Так что работать с Черниковым удовольствия было мало. Загоняет!

В городском видеоархиве оперативники нашли запись, где сначала во двор-колодец на Лиговском вошла девушка, подходящая по описанию свидетельницы Малининой, той самой наблюдательной бабули из дома напротив «Бродяги». Спустя двадцать минут та же девушка вышла на проспект и растворилась в толпе высадившихся из подоспевшего трамвая людей. Время пребывания девушки во дворе-колодце совпало со временем убийства Категория.

Темноволосая, одетая в ярко-зеленую куртку, расклешенную юбку глубокого серого цвета, на ногах полусапожки на каблуках, на голове модный в тон юбки берет, украшенный приметной виноградной гроздью. К сожалению, лицо девушки разглядеть не удалось, она то смотрела под ноги, то в телефон, а когда подняла голову, было слишком далеко, чтобы можно было идентифицировать личность. На самом удачном кадре черты оказались смазанными, а яркая косметика минимизировала шансы опознания.

— Не похожа на наркоманку, — констатировал Зайцев, просмотрев видеозапись. — Наркоши одеваются проще, а не как эта фифа.

О своих соображениях по этому поводу лейтенант Зайцев сообщил следователю, когда вместе с Осокиным явился к нему в кабинет.

— Мутное какое-то убийство. Мы этого Категория три месяца пасли, никаких намеков, что его прикончат, не было. Терлись около него какие-то пацаны с района. Ну как пацаны? Гопники дворовые! Придут, дозу получают и отваливают. Мы все ждали, когда поставщик засветится. Они же, собаки лесные, каждый раз товар в новый тайник складывали.

— В день убийства вы Категория не пасли? — спросил Черникин, понимая, что, скорее всего, нет. Круглосуточно наблюдать за каждым мазуриком — никакого личного состава не хватит.

— Нет, потому что Категория на работе наркотой не занимался. Хотя, может, и приторговывал в кафе тихим бесом. Только, сами понимаете, за одним Категориявым непрерывно мы ходить не могли.

Кирилл Васильевич согласно кивнул. Он смотрел на фото, сделанные с видеозаписи камеры на Лиговском. На первом плане была девушка в зеленой куртке.

— Ее вы раньше около Категория видели?

— Нет, не видели. И сразу скажу — не наркоманка она. Наркоманов я на раз определяю, посмотрелся, — повторил Зайцев.

— Может, она ходила к Категорияву за дозой для кого-нибудь из знакомых?

— Такое бывает. Но если хотите знать мое мнение, то скажу, что тоже нет. Те, у кого близкие наркозависимы, очень несчастны, и лица у них печальные и озабоченные, совсем не карнавальные, как у этой куклы. Размалевываться и наряжаться точно не станут — не до этого. Все-таки это серьезная беда.

И денег в обрез, на модное шмотье не хватит — наркота деньги у всей семьи выкачивает. Они понимают, что наркотик — это медленная смерть, и сами за этой смертью идут к наркоторговцу, и не пойти не могут, глядя на ломку близкого. А для просто знакомого за дозой никто не пойдет — слишком рискованное дело.

— Получается, девица к наркотикам отношения не имеет. Тогда за что она убила Категорова?

— Любовь-морковь, — предположил Осокин. — Яд в портвейне — чисто бабское убийство.

— Крепко же обиделась девочка, — хмыкнул Черников.

— Бабе для обиды много не надо, особенно когда у бабы характер взрывной, особенно если у нее южная кровь. Я жил с одной армянкой, у нее характер был — огонь. Чуть что, сразу посуду хватала и швыряла, не глядя. Но зато в постели...

— Родион! — прорычал следователь. — Ближе к делу. По поводу убийства в кафе что-нибудь выяснили?

— В «Бродяге» нашли упаковку крысиного яда. Туда недавно из СЭС приходили, крыс травить. Вот убийце яд под руку и подвернулся.

— Эксперт сказал, что Категорова отравили цианидом.

— Может, это не она его? — предположил Зайцев. — Барышня слишком хорошо выглядит, чтобы быть подругой наркоти.

— Может, и не она. Тогда кто же? Кафе «Бродяга» находится во втором дворе. Выход из него есть только через первый двор на Лиговский проспект.

— И через крышу сарая в соседний двор, — заметил Зайцев.

— Сарай высоковат для того, чтобы перелезть, там два с половиной метра, — возразил Осокин. — К тому же из окон заметят столь странный маневр. Лезть через сарай — только внимание привлекать, а преступнику этого не надо.

— Итак, что мы имеем? — резюмировал следователь.

— В течение того дня, когда убили Категорова, во двор с Лиговского заходили лишь местные жители, два бомжа, какая-то старушка прошаркала — тоже, наверное, там живет, эта деваха в зеленой куртке и сотрудница кафе Лаврова, вызвавшая полицию. Местных жителей проверили, там либо алиби, либо полное отсутствие мотива.

— Я бы бомжей не стал списывать со счетов.

— Никто и не списывает. Только они по времени не подходят. Один бомжик пришел во двор с утра, справить нужду пытался, его жильцы прогнали. Второй нырнул под арку около полудня. Когда вышел со двора, не понятно. На видео этот момент не просматривается.

— Вроде все дыры проверили, никого не нашли.

— Ну да, — усмехнулся следователь, — знаю я, как вы проверяете. В старом фонде их столько и в таких неожиданных местах, что сразу не обнаружишь.

— За день успели только лестницы да чердаки обойти, всякие закутки позже добились. Спасибо участковому — помог. Он там все ходы-выходы знает. Все равно пусто, никаких следов пребывания людей не обнаружили.

Когда оперативники ушли, Черников еще раз перелистал дело Категория. Найденный возле трупа скомканный лист с изображением «Мягких часов» давал пищу для размышления. Лист оказался вырванным из подарочного издания «Сюрреализм», на нем обнаружались смазанные отпечатки пальцев. Следовало выяснить, какое отношение этот листок имеет к убийству, а пока оставалось строить догадки.

1. Было свидание с просмотром альбома. Внезапная ссора. Листок вырвали, скомкали, швырнули им в одного из участников ссоры. В ответ — яд в портвейн и бутылкой по голове.

2. А может, скомканный лист появился раньше? Может, его оставил кто-то из посетителей, а Категория нашел?

3. А может, это ложный след, зачем-то оставленный убийцей?

4. Или нить, ведущая к разгадке?

1921 г. Испания

— Доктор Фернандо говорит, что наш сын ненормален. Его место в больнице для душевнобольных. Ты представляешь, Сальвадоре, надо же было такое сказать: наш сын ненормален!

— Слушай больше этого доктора! Он в психиатрии разбирается так же, как дон Луиза — в колумбийских изумрудах, — проворчал хозяин дома.

Филиппа самодовольно улыбнулась — она всегда считала свою соседку дону Луизу плебейкой, и любое подтверждение этому, звучащее из чужих уст, проливалось елеем на ее сердце.

— Не могу не согласиться, Сальвадоре! Луиза изумрудов отродясь в руках не держала, она не способна отличить простую стекляшку от драгоценного камня.

— Донья Филиппа! — кряхтя и шаркая ногами, со своего балкона тут же отозвалась доня Луиза — сухонькая старуха в заплатанном халате. — Я слышала, вы упомянули мое имя.

— Иди отдыхать, донья Луиза! Тебе послышалось.

Соседка не уходила. Она целыми днями маялась от скуки и искала всякий повод, чтобы поговорить.

— У старухи уши к стене приставлены, — понизила голос Филиппа.

— Ваш сын Сальвадор опять громко сморкался на балконе, — пожаловалась соседка. — Он нарочно это делает! Меня подкарауливает и сморкается. Дон Сальвадор! Повлияйте на своего отпрыска наконец, а то я обращаюсь к дону Каракасу, и он пришлет вам взыскание!

— А вы держитесь подальше от нашего балкона! — вступилась за сына донья Филиппа. Она всегда защищала сына — и когда на него жаловались соседи, и когда сердился отец. — Наш мальчик весьма одарен, гений, если хотите. Гений может иметь свои странности!

— Избаловали вы его, донья Филиппа, теперь оправдываете.

Здесь соседка была права. Весь квартал помнил, как маленький дон Сальвадор устроил истерику на площади из-за закрытой кондитерской лавки. Городовому пришлось просить лавочника прекратить сиесту и продать для капризного ребенка леденец. Мальчик подрос, «подросли» и его выходки.

— Сегодня он громко сморкается на балконе, завтра будет прилюдно испражняться. Помяните мое слово — однажды ваш сын угодит за решетку! — пообещала донна Луиза.

— Тупун тебе на язык! — пожелала Филиппа и закрыла оконную раму.

Стоял пыльный июнь. Днем воздух накалялся, как сковорода в аду. В городе с его каменными стенами было еще жарче — ни ветерка, ни деревца, ни возжеленной прохлады моря.

— Открой окно! Дышать нечем! — возмутился муж Филиппы. Он сидел за письменным столом и, как всегда, что-то писал. Что именно писал дон Сальвадор маркиз де Дали, уважаемый в городе нотариус, Филиппа не интересовалась. Ей достаточно было знать, что дела у мужа идут хорошо и семья ни в чем не нуждается. — А сын у нас действительно ведет себя отвратительно! С этим надо что-то делать. Я уже говорил с отцом Кристиано о принятии Сальвадора в монастырь.

— Что?! — опешила Филиппа. — Сальвадоре! Что ты задумал?!

— Что слышала, то и задумал. Решено: я отправлю нашего дьяволенка в монастырь.

— Но ведь его уже выгоняли из монашеской школы!

— Тем более! Сальвадоре должен привыкать к дисциплине.

— Не могу поверить своим ушам! — ахнула мать гения. — Мальчик талантлив, ему надо обучаться живописи, а не служить Всевышнему!

— Думаю, что пара месяцев в монастыре пойдут ему на пользу. И вообще, мне это все надоело! С тех